

ЗАКАТ

Под вечер краснеет округа:
Березы, наш дом, мезонин,
Трава на заброшенном луге
И все, что чернело за ним:

Ручей в одинокой лощине,
В колоде журчащий родник
И тропка в засохшей малине,
Что к речке ведет напрямик...

Такое лишь может присниться.
От счастья застыл у ворот.
Зачем же так жалобно птица
В лесу одиноко поет?

БОЛОНЬЕВЫЙ ПЛАЩ

Мальчишкой был и в жизни толк не знал,
И не спешил еще куда-то мчаться.
Она вошла во двор, как в бальный зал,
И лишь спросила: «Можно покачаться?»

Распахнут плащ болоньевый, простой,
По меркам общим — попросту одета,
Но для меня она была звездой
Или, по крайней мере, чудом света!

Бежали дни. Вертелось колесо
Привычных дней, не просто — с ускореньем.

Вокруг себя нагородил лесов
И трепетал над созданным твореньем.

Был час пустой. Забрел в соседний двор
И размышлял, чего я в жизни стою.
Хоть озирался, как заправский вор,
Но все-таки столкнулся со звездой.

Она играла плащиком в руках.
Прошло два года — срок такой огромный!
Все изменилось, только плащик, ах,
Все тот же плащик — тоненький и скромный...

Что стало с ней? Подчас издалека
Возникнут двор, скрипучие качели...
О, как летали ввысь, под облака,
О, как от ветра руки коченели!

* * *

Снова мороз. На березы
Вновь не летят воробьи.
Видно, замерзли, тверезы,
Среди крылатой родни.

Тишь, не подвластная думам,
Синь голубая окрест,
И отливает латунным
Солнцем наш утренний лес.

Радуйтесь, дети земные, —
Мир, что дарует восторг,
Короток... Тучки шальные
Тихо плывут на восток.

Я проспал свои лучшие годы
И мне было совсем невдомек,
Что мой сон, словно талые воды,
Унесет запоздалый поток.

Как мне было во сне интересно,
Как мне было привольно тогда,
Как звучали небесные песни,
И всюю пролетали года!

Но с течением времени болью
Отзывались те песни во мне,
Словно птицы, томились в неволе,
Своей жизнью довольны вполне.

Я поднялся, как воин усталый,
Что лежал на каленой печи,
И ушел, не осилив удара,
Растворившись в бездонной ночи.

ЛОДКА

Брошена лодка у кладбища.
Днище травой проросло.
Ткни пальцем — сразу развалится
Крепкое с виду весло.

Кто ее выволок, бедную,
Так далеко от реки?
Может, однажды поспорили
Со стариком рыбаки?

И, доводя, насмехались,
Ржали, как кони в ночи:
«Где тебе, старому, справиться?
Впору сидеть на печи!»

...Лодка лежит в ожидании:
Встанет старик под крестом,
Перевернет ее, верную,
И оттолкнется веслом.

* * *

Я вышел из беды, подобно Ною,
Хотя и сам совсем не без греха,
И вот тогда склонились надо мною
Черемуха, рябина и ольха.

Мне так легко дышалось, даже пелось.
И я стоял, как выпивший слегка,
И лишь не осуждали мою смелость
Черемуха, рябина и ольха.

...Исчезнет свет над крышкой гробовой,
И чтобы смерть не так была горька,
Склонитесь над моею головою
Черемуха, рябина и ольха!

ЗАМОРОЗКИ

Покрыта крапива инеем,
Как будто великим именем
Покрыты грехи...
И корочка льда колышется,

Как ветхая кроха-крышица,
Над миром реки.
А на бесконечной просеке
Застыли причуды осени,

И сердцем замрешь,
Когда лист краями колкими
Воткнется в ладонь иголками,
Как пойманный еж.

* * *

Села сорока на ель и качается,
Будто ей все нипочем,
Будто и жизнь никогда не кончается —
Бьет своим вечным ключом.

Только завидовать вроде бы нечему:
Тоже, наверно, тоска
Так вот сидеть и качаться на веточке
Ели на крае леска.

Тихо бежит родниковая чистая
Струйкою тонкой вода,
И распознать ту великую истину
Мне не дано никогда.

АНТОНОВКА, БЕЛЫЙ НАЛИВ

Пусть мне это с детства знакомо,
Но ноет, как свежий нарыв:
Две яблони старых у дома —
Антоновка, белый налив.

И дверь между ними, и тропка.
Я, маленький, в сером пальто...
Оборвана старая пленка —
Не выйдет из дома никто.

Страницы последнего тома
Закроются, дверь растворив,
Родители выйдут из дома...
Антоновка, белый налив.